

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

«В 8-м классе, будучи наивной девчонкой, глубоко верящей в призывы родной партии, глубоко чтящей ее вождей — Ворошилова, Илланова, Брежнева (о Сталине почти ничего не знала), я писала сочинение о Николае Островском. Тетрадка где-то затерялась, но хорошо помню главный смысл его, а также похвалы учительницы. Тогда, в 8-м классе, я любила бросать красивые фразы и ставить восклицательные знаки. Но это было тогда... Мое мнение об Островском не изменилось. Меня волнует и тревожит другое. И того другого так много, что и не знаю, с чего начать, хватит ли бумаги, поймете ли вы меня.

Мне 16 лет. А через год, после 10-го класса, нужно будет выбирать, как жить дальше. Действительно, как? Как теперь разобраться, что хорошо, что плохо? Раньше, по моему, молодежи в 16 лет мучилась больше над вопросами высокой любви, жизни и смерти. А теперь меня волнует нечто другое. Покажите мне человека, которому я могу позерить. Преклонялись перед Сталиным — теперь ругают его, как самого последнего человека. Преклонялись перед Хрущевым — теперь и его обвиняют. Ну, время Брежнева я застала. Хотю и смутно, но помню его выступления на трибуне, живые аплодисменты, восхваление «Целины». А за углом рассказывали анекдоты про «Леню», да пели блатные песни... А теперь... Где гарантия, что теперь уже все будет по-другому и возврата к старому не произойдет? Раньше у нас в

«Эти вопросы я и сам себе задаю. Мучаюсь, тревожусь, всю жизнь ищу ответы. Не нахожу и вновь ищу. Мне тоже не однажды был нужен человек, который бы все (или хотя бы что-то) объяснил. Такой нужен был человек, кому бы я мог верить. Верить, как себе, больше, чем себе. Но я уже прожил много лет, и много было в моей жизни людей, которые мне помогали. Что-то я в этой жизни понял, так что попробую ответить вам, Валя, попробую помочь.

Прежде всего я должен сказать, что все у вас, Валя, нормально с совестью, и с сердцем, и с умом, если вы задаете себе и нам эти вопросы. Это необходимые вопросы.

Много трудного и мрачного в нашем прошлом. Куда проще было бы это трудное и мрачное не вспоминать вовсе. Но ведь наликовались уже власти!.. Уж как старались, организовывая триумфальные шествия на площадях и стадионах, уж как гремели оркестры и громко пелось о победах, уж как кричали, что жить стало веселее!

Пришло время собирать камни. И без выяснения отношений с прошлым тут не обойтись. Нельзя до бесконечности уклоняться от ответа. Но, обращаясь к прошлому, мы на сей раз не имеем права не быть до конца бесстрашными, откровенными и мужественными.

С народом стали открыто объясняться. Отучаемся придавать воспоминаниям эдакую симпатичную ханжески-умилительную форму, причислять правду, улучшать историю... Это не какие-то частности нашей жизни, происходит нечто высокое и важное, чрезвычайно необходимое для сплочения общества. Правда, целительна. Она как нельзя лучше способствует как развитию отдельной личности, как незримой общности людей, так и укреплению ценностных нравственных понятий вообще.

Не хотелось бы наш разговор сводить к одним и тем же (уже изрядно захватанным) именам: Сталин, Брежнев и т. д. Не одни они — это мое личное убеждение — несут ответственность за содеянное в их время. Да, не одни они, не только они. Но я к этому еще вернусь. А пока... Что ж — придется все-таки обращаться к этим именам...

Начнем с более близкого нам времени. Почему все, а если не все, то многие, молчали при Брежнев? Боялись. Боялись за себя, за своих детей. Как при Сталине уже не арестовывались миллионы (хотя аресты невинных были, или с чьей-то точки зрения — виновных), а попросту иначе мыслящих, но за любое твое

Краснодаре на витринах Дома книги высились огромные макеты книг Брежнева, теперь их заменили макетами материалов XXVII съезда КПСС, на кандидом углу написано: «Решения XXVII съезда партии — в жизнь». А пять лет назад висел этот же плакат, но без дописанной палочки. В жизнь рекомендовалось решения XXVI съезда, а еще раньше — XXV, а еще... Надоели! Возьмите в руки любую публицистическую книгу, изданную в годы 70-е. Там в предисловии восхваляется Брежнев и решения очередного съезда. Значит, все это неправда? Значит, все это зря? Зря 70 лет люди отдавали жизни за Советскую власть? Или это нас приучили так считать?

Пионерский страд нашего класса четыре года носил имя Павлика Морозова, а теперь я читаю, что Павлик Морозов — не герой, а трагическая фигура. Я не знаю, что дальше будет и как дальше жить. Вокруг говорят, да что там говорить — кричат: «Перестройка!» А мне страшно. Ведь кричат же, что 10 лет назад прославлял Брежнева.

Я перечитала свое письмо. И, честно говоря, ужаснулась. Это не то, не то. Я что-то не понимаю. Но что? Я совсем не знаю жизни, не знаю и истории. Но поверьте, мне в мои 16 лет легче увидеть фальшь, чем взрослому.

Ответьте мне, если сможете, я совершенно запуталась — и в жизни, и в себе. Все чаще хочется отмахнуться от всего, все чаще. Но ведь нельзя так. А как же можно? Как?

Валентина КРОЛИВЕЦ
Краснодар.

СУДЬБА НАРОДА И ЧЕЛОВЕКА

Над вопросами шестнадцатилетней
Валентины КРОЛИВЕЦ размышляет
народный артист СССР Георгий ЖЖЕНОВ

неосторожное свободное слово могло рухнуть в один момент все — карьера, благополучие, будущее, просто спокойствие. Страх, страх... Тянулся ли он со сталинских времен, или это был какой-то новый страх, иного уже качества, чем в пресловутом 1937 году, только он был, был и ввелся в душу, хуже слоты разедал все живое, уничтожая, убивая. Страшно брежневское время. Страшно в своей обыденности. Всякий здравомыслящий человек понимал, что происходит. Но принять было делать хорошую мину при плохой игре. И все или почти все делали. Но ведь не только молчали — были такие, что говорили, и еще как говорили. Славословили, прославляли, да по собственной инициативе, да еще других локтями расталкивали. Как это еще недавно было... И разве после этой весьма тяжелой болезни мы можем легко прийти в себя, вмиг выздороветь?.. Нет, конечно. Но иного пути, как к духовному возрождению, у нас нет. Михаил Сергеевич Горбачев прав, когда говорит, что альтернативы перестройке нет. Ничем не обольщаясь, относясь к перестройке очень строго, пристрасно, отдавая себе отчет, что сделано еще крайне мало, больше наговорено, я тем не менее сейчас, сегодня, в эти дни верю в возможность действительно перемен больше, чем когда-либо. Больше, чем верил в 1956-м. Тогда, в 1956-м, народ еще не дошел до края, до дна, до той последней черты, когда, измучившись неверием, ложью, апатией, двуличием, понимаешь: альтернативы перестройке нет и быть не может, нельзя назад, куда — назад? К Сталину? Брежневу?

В роковые те «сталинские» годы в тюрьме в одной камере со мной сидел старик — по фамилии Жалнарович. Лидер профсоюза сапожников. Ста-

ры революционер. С Лениным встречался. Добрый был человек. Когда я приходил с допросов избитый, истерзанный, униженный, он меня успокаивал одними и теми же словами: верь, верь, ты только верь в жизнь, в людей. Это звучало, как молитва. Он говорил: дело не в том, что ты подпишешь или не подпишешь, черт с ними, с этими подписями, ты не на них сосредоточивайся, не о них думай, думай о том, чтобы не сломаться, не самоуничтожиться как человеку, не наговори на себя и на людей зла. Я этого старика на всю жизнь запомнил. Ничего удивительного не было в его словах — удивительно было то, что слова эти помогали. Как будто то не слова были — а люди, какие-то дорогие родные люди, и они утешали тебя, не бросали, шли рядом.

...Дело не в том, что мы в тридцатые годы выбирали не ту идею, не ту общественно-социальную установку, дело в том, что ради голой идеи мы шли по людским трупам, что, борясь за народное счастье, мы забывали о такой «мелочи», как человек.

«...МХАТ обязан глубоко, а не поверхностно отвечать современности; смотреть в существо вещей, а не на их поверхностную оболочку. Я хочу театра мысли, а не театра протокольных фактов...

Этому росту «вглубь» есть, однако, много препятствий. За последние годы театр очень раздался «вширь»...

Увы, «вширь», а не «вглубь» раздалось и время...

Валя, ваша юность совпала с весьма примечательным периодом жизни, нашей истории: время организованной мысли, кажется, проходит. Не только вы, Валя, в свои 16 лет начинаете смотреть вокруг с напряженным вниманием и непредвзято, но и многие ваши соотечественники, старые и молодые. Я считаю, что одно из главных достоинств эпохи гласности: сегодня мы не просто читаем, узнаем о «белых пятнах» истории, говорим откровенно и искренне друг с другом о времени и о себе не только на пресловутых кухнях — но нам множество новых мыслей приходит в голову. Ведь трагедия нашего недавнего прошлого — равно как и пятидесятилетней, так и десятилетней давности: мы задыхались, уничтожались как личности не только от невысказанных слов, но и от нерожденных мыслей. Это делало людей кучими, выкренными на один образец.

Сейчас мы взялись все и вся судить. Нелегкое дело. Судить надо. И историю, и отдельных людей. Но действительно, надо помнить, что каждый из нас — и судья, и подсудимый.

Сегодня мы о многом спорим. У каждого — своя точка зрения. Это хорошо. Но плохо, что опять много нетерпимости. Говорят, в рассказах Варлама Шаламова — много злости. Но почему за то, что случилось с ним, с нами, со страной, — почему за то надо благодарить? Да, злость, желчь, жестокость. Но — правда! И потому имеет место быть в литературе. Раз имело место быть в жизни — должно остаться в литературе.

...Все, что было с нашей страной, — наша история. А от истории невозможно шархнуться в сторону, испугаться, отпрянуть, отшатнуться. Да, пришло время социального покаяния и нравственного очищения, но не отречения. Тяжелая штука — память. Но беспамятство — позорнее. И сколько бы ни было трудного и мрачного в нашем прошлом, надо помнить, что всегда были люди, которые своей жизнью и своей смертью продлевали — жизнь! Селекция, проводимая Сталиным по уничтожению всего лучшего, всего чистого в народе, не удалась. Возрадуемся этому. Но и ошутим ответственность за историческое время, в котором живем, за судьбу народа и судьбу отдельного человека. Потому что и на сегодняшний день остается опасность заиграться в перестройку и переделку. Нам есть что брать с собой в дорогу. Это духовный опыт народа. У нас есть корни, есть историческая почва. Это не должно быть повреждено, изгажено.

Да, были фанатизм, ожесточение борьбы, трагедия полуборозованных людей, которые руководствовались в многосложной жизни только классовым подходом, было много мести, ненависти, но было и милосердие, и сила народа, и правда, и искупление.

Конечно, бывают в жизни несчастья. Они клонят человека к земле. Но надо учиться быть человеком добрым и сильным, свободным и твердым.

Валя! Наверное, кто-то другой ответил бы вам на ваши вопросы по-другому, быть может, лучше, чем я. Но это мои ответы, я их своей жизнью выстрадал. Я искренне хотел вам помочь — и говорил то, что думаю».

К. С. Станиславский писал А. М. Горькому в 1933 году: